

По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина

Постановление · № 14-П · от 13.06.1996 · Конституционный Суд Российской Федерации · Действует без изменений

Именем

Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97

Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой

гражданина В. В. Щелухина город Москва 13 июня 1996 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего Г. А. Гаджиева, судей М. В. Баглая, Н. В. Витрука, А. Л. Кононова, Т. Г. Морщаковой, Ю. Д. Рудкина, О. И. Тиунова, В. Г. Ярославцева,

с участием представителя стороны, обратившейся с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации, - адвоката Ю. А. Ларина,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями второй и третьей статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В. В. Щелухина на нарушение его конституционных прав и свобод частью пятой статьи 97 УПК РСФСР, согласно которой время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при исчислении срока содержания под стражей в качестве меры пресечения не учитывается. По мнению заявителя, данная норма не соответствует статьям 2, 17, 22, 45 и 55 Конституции Российской Федерации, так как ограничивает его права на свободу и личную неприкосновенность, на защиту, а также приводит к нарушению его прав и свобод вследствие осуществления своих прав другими лицами.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю. Д. Рудкина, объяснения представителя стороны, обратившейся с жалобой, выступления эксперта, а также приглашенных в заседание представителей Генеральной прокуратуры, МВД и ФСБ Российской Федерации, исследовав имеющиеся материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л:

1. В марте 1995 года было возбуждено уголовное дело по обвинению гражданина В. В. Щелухина в совершении ряда преступлений, а 20 апреля 1995 года к нему была применена мера пресечения в виде заключения под стражу.

По истечении срока санкционированного ареста он подал жалобу в Кунцевский межмуниципальный (районный) суд Западного административного округа города Москвы в порядке статьи 220-2 УПК РСФСР на незаконность и необоснованность ареста. Суд отказал В. В. Щелухину в удовлетворении жалобы, сославшись на то, что в отношении него и других обвиняемых по делу выполняются требования статьи 201 УПК РСФСР (ознакомление обвиняемого со всеми материалами уголовного дела), в связи с чем на основании части пятой статьи 97 УПК РСФСР сроки следствия и содержания под стражей приостановлены.

2. В соответствии со статьей 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" жалоба В. В. Щелухина является допустимой, поскольку оспариваемая в ней

норма затрагивает конституционные права заявителя и была применена органами предварительного следствия и судом по его уголовному делу при определении сроков содержания под стражей.

Признанию данной жалобы допустимой не препятствует предписание раздела второго "Заключительные и переходные положения" Конституции Российской Федерации (абзац второй пункта 6), согласно которому "до приведения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в соответствие с положениями настоящей Конституции сохраняется прежний порядок ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления". Это предписание связывает с принятием нового уголовно-процессуального законодательства применение предусмотренного в Конституции Российской Федерации судебного порядка ареста и задержания, временно сохраняя, таким образом, действие только прежней формы санкционирования ареста - прокурором. Другие элементы уголовно-процессуальной регламентации содержания под стражей непосредственно в Конституции Российской Федерации не закрепляются и поэтому не составляют предмет ее переходных положений.

В то же время пунктом 2 раздела второго Конституции Российской Федерации предусмотрен общий запрет, исключающий применение законов и других правовых актов, принятых до вступления в силу ныне действующей Конституции Российской Федерации, в части, противоречащей ей, что устанавливается правоприменителем. Предписание абзаца второго пункта 6 раздела второго Конституции Российской Федерации - частное исключение из этого запрета. Оно не является по отношению к нему конкурирующей специальной нормой, не может толковаться расширительно и распространяться на те элементы процедуры ареста, которые не оговорены в статье 22 (часть 2) Конституции Российской Федерации, т. е. не связаны с судебным санкционированием ареста.

3. Провозглашенное в статье 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации право на свободу включает, в частности, право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением таких принудительных мер, как задержание, арест, заключение под стражу или лишение свободы во всех иных формах, без предусмотренных законом оснований, санкции суда или компетентных должностных лиц, а также сверх установленных либо контролируемых сроков. Вместе с тем, будучи неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения, право на свободу в силу статьи 22 (часть 2) Конституции Российской Федерации может быть правомерно ограничено при аресте, заключении под стражу и содержании под стражей. Условия такого правомерного ограничения установлены в соответствии с Конституцией Российской Федерации федеральным законодательством, предусматривающим, что заключение под стражу может быть применено к лицу, обвиняемому или подозреваемому в совершении преступления, лишь на основании судебного решения или с санкции прокурора (статьи 11, 89, 96 УПК РСФСР).

Уголовно-процессуальный закон (части первая и вторая статьи 97 УПК РСФСР) определяет также, что содержание под стражей при расследовании преступлений не может продолжаться более двух месяцев, а при особой сложности дела и в иных исключительных случаях, по решению компетентного прокурора, - более полутора лет. Согласно части третьей статьи 97 УПК РСФСР истечение предельного срока содержания под стражей означает невозможность его дальнейшего продления и обязательность немедленного освобождения содержащегося под стражей обвиняемого. Однако оспариваемая заявителем часть пятая статьи 97 УПК РСФСР устанавливает правило, согласно которому время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при исчислении санкционированного срока содержания обвиняемого под стражей в качестве меры пресечения не учитывается.

4. Из статьи 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации, закрепляющей право на свободу, и пункта 1 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, формулирующего условия правомерного ограничения этого права, следует, что никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей, а также не должен быть лишен свободы иначе, как на основаниях и в соответствии с процедурой, которые установлены законом.

Часть пятая статьи 97 УПК РСФСР способствует применению содержания под стражей в качестве меры пресечения без необходимых оснований, должной процедуры и вне каких-либо определенных или контролируемых сроков, что придает ограничению права на свободу при аресте произвольный характер: содержание обвиняемого под стражей на основании данной нормы за пределами санкционированного срока не предполагает обязательного вынесения компетентными органами соответствующего решения. В результате обвиняемый может содержаться под стражей даже после того, как ранее принятое решение о применении меры пресечения или о продлении срока содержания под стражей исчерпало себя, прекратило свое действие и, следовательно, когда уже исчезло юридическое основание для нахождения обвиняемого в следственном изоляторе. Недопустимость избыточного или не ограниченного по продолжительности содержания под стражей вытекает и из пункта 3 статьи 14 международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому каждый имеет право на рассмотрение любого предъявленного ему обвинения без неоправданной задержки, что в первую очередь касается лиц, лишенных свободы на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Такой подход к гарантиям от произвольного ареста развивается в соответствии с названным Международным пактом и в принятом Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988 года Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, согласно которым лицо, задержанное по уголовному обвинению, имеет право в любое время возбудить разбирательство перед судебным или иным органом для оспаривания законности задержания, а также право на судебное разбирательство в разумные сроки либо на освобождение от суда.

5. Норма части пятой статьи 97 УПК РСФСР, как и весь правовой институт мер пресечения, направлена прежде всего на то, чтобы исключить для обвиняемого возможность скрыться от следствия и суда и помешать расследованию, но, кроме того, имеет в виду необходимость воспрепятствовать обвиняемому и его защитнику в затягивании ознакомления с материалами дела, формально не ограничивая их при этом каким-либо сроком.

В то же время государство, даже имея цель воспрепятствовать злоупотреблению правом, с тем чтобы осуществление конституционных прав обвиняемого не нарушало права и свободы других лиц, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные целями меры. Этот принцип соразмерного ограничения прав и свобод, закрепленный в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, означает, что публичные интересы, перечисленные в данной конституционной норме, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям. Правило, закрепленное в части пятой статьи 97 УПК РСФСР, указанным целям не соответствует.

Содержание данной нормы реально не исключает ее применения в стадии предварительного расследования для решения сугубо организационных задач, стоящих перед должностными лицами органов, производящих дознание и предварительное следствие. Об этом свидетельствует, как установлено в ходе судебного заседания, правоприменительная практика, в том числе и по делам, где не использованы предусмотренные частью второй статьи 97 УПК РСФСР возможности продления сроков содержания под стражей компетентным прокурором. Кроме того, оспариваемая норма предполагает содержание под стражей при ознакомлении с материалами дела независимо от наличия предусмотренных законом оснований ареста, без их проверки и подтверждения действительными обстоятельствами дела, которые могли бы свидетельствовать о реальных намерениях обвиняемого избежать уголовной ответственности. Возможность немотивированного применения части пятой статьи 97 УПК РСФСР по отношению ко всем обвиняемым является чрезмерным ограничением права на свободу.

Воспрепятствование обвиняемому и его защитнику в явном затягивании ознакомления с материалами дела может быть обеспечено путем применения части шестой статьи 201 УПК РСФСР,

которая позволяет при наличии доказательств такого поведения ограничить это ознакомление определенным сроком. Поэтому достижение данной цели путем применения оспариваемой нормы не отвечает требованию использования средств, соразмерных целям.

Кроме того, как видно из жалобы В. В. Щелухина и других материалов дела, часть пятая статьи 97 УПК РСФСР создает предпосылки для того, чтобы по групповым делам из установленных законом предельных сроков содержания обвиняемого под стражей исключалось время, затраченное на ознакомление с материалами уголовного дела не только им самим и его защитником, но и другими обвиняемыми и их защитниками. Это означает, что законодатель избрал регулирование, при котором все обвиняемые, а не только злоупотребляющие указанным процессуальным правом, оказываются подвергнутыми произвольному аресту. Обеспечение обвиняемому достаточного времени для ознакомления с материалами дела не должно быть связано с наступлением для него такого неблагоприятного последствия, как не ограниченное по сроку дальнейшее содержание под стражей. Последнее приобретает значение санкции за использование обвиняемым его процессуальных прав и тем самым понуждает к отказу от них.

Таким образом, характер ограничения права на свободу, связанного с содержанием и применением части пятой статьи 97 УПК РСФСР, свидетельствует о превышении законодателем полномочий, предоставленных ему статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

6. Обеспечению соразмерности продолжения содержания под стражей социально оправданным целям этой меры пересечения на этапе ознакомления обвиняемого с материалами оконченного расследования мог бы способствовать эффективный судебный контроль.

Предусмотренное в статье 46 Конституции Российской Федерации и непосредственно действующее в любой стадии уголовного судопроизводства (статья 11 УПК РСФСР, пункт 7 части первой статьи 17 Федерального закона от 15 июля 1995 года "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений") право на судебную защиту, в частности от ареста, которое в соответствии со статьями 55 (часть 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации рассматривается Конституционным Судом Российской Федерации и судами общей юрисдикции как не подлежащее ограничению, сказывается реально не осуществимым при применении части пятой статьи 97 УПК РСФСР.

Обвиняемые, которым предъявлены для ознакомления материалы оконченного расследования, могут обжаловать в суд продолжение содержания под стражей в связи с тем, что санкционированный срок его истек. Однако из буквального смысла части пятой статьи 97 УПК РСФСР следует, что подтверждение по такой жалобе одного только формального момента объявления следователем об окончании расследования может привести к признанию судом необходимости ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела достаточным основанием для продолжения ареста, что имело место и в деле заявителя. Таким образом, оспариваемой нормой нарушается право на судебную защиту от необоснованного содержания под стражей. Поскольку продолжение содержания обвиняемого под стражей при ознакомлении его с материалами дела не предполагает вынесения обосновывающего это решения, то из-под судебного контроля выведены и фактическая обоснованность ареста на данном этапе процесса, и продление содержания под стражей как в пределах установленного законом максимального срока, так и с его превышением.

Проверяя жалобу, в которой оспаривается законность и обоснованность содержания обвиняемого под стражей, суд вправе принять решение об освобождении его из-под стражи. Не найдя оснований для удовлетворения жалобы, суд может либо направить материалы соответствующему прокурору для решения вопроса о продлении срока содержания, обвиняемого под стражей, либо, если полномочия должностных лиц прокуратуры, предусмотренные частью второй статьи 97 УПК РСФСР, исчерпаны, принять собственное решение по данному вопросу.

7. Конституционный Суд Российской Федерации оценивает конституционность оспариваемой нормы исходя не только из буквального ее смысла и практики правоприменения, но и из ее места и роли в

системе правовых норм (часть вторая статьи 74 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации").

Безосновательность увеличения сроков содержания под стражей обусловлена не только собственно содержанием части пятой статьи 97 УПК РСФСР, но и характером норм, обеспечивающих обвиняемому право получать полную информацию о сущности обвинения и обосновывающих его доказательствах. В связи с этим само по себе признание оспариваемой нормы неконституционной является недостаточным для обеспечения права обвиняемого на защиту.

Решение названных вопросов с учетом задачи защиты общества от преступлений путем обоснованной реализации уголовного закона требует от законодателя использования системы правовых средств, что должно быть осуществлено в разрабатываемом уголовно-процессуальном законодательстве и применительно к предмету рассмотрения по данному делу.

Внесение законодателем в действующий уголовно-процессуальный порядок необходимых изменений либо введение им новых правовых институтов представляется наиболее эффективным средством обеспечения конституционно-правового содержания уголовно-процессуальных процедур. Возможная их корректировка судами на основе непосредственного применения закрепленного в Конституции Российской Федерации права на судебную защиту не исключает трудности в обеспечении правоприменительной практикой равенства граждан перед законом и судом. Однако принятие соответствующих законодательных решений, учитывающих в том числе позицию Конституционного Суда Российской Федерации, требует определенного времени.

Согласно статье 80 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации в своем итоговом решении вправе, в зависимости от характера рассматриваемого вопроса, предусмотреть специальный порядок, сроки и особенности его исполнения. В связи с реальными перспективами нового законодательного регулирования, признавая возможность непосредственного применения положений статьи 46 Конституции Российской Федерации о праве на судебное обжалование любых нарушений прав и свобод, включая необоснованность ареста, а также имея в виду, что пробельность в урегулировании института содержания под стражей, возникающая в результате признания оспариваемой нормы неконституционной, может иметь определенные отрицательные социальные последствия, Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым использовать процедуру отсрочки исполнения решения по настоящему делу, с тем чтобы законодатель в надлежащий срок принял меры, обеспечивающие баланс интересов правосудия и прав граждан на свободу и личную неприкосновенность, а также исключаящие возможность произвольного ареста, в том числе с помощью закрепления процедуры судебного контроля за законностью и обоснованностью ареста и содержания под стражей на любой стадии уголовного процесса.

На основании изложенного и руководствуясь частью первой статьи 71, статьями 72, 75, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать часть пятую статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 17, 22 (часть 1), 46 (часть 1), 55 (часть 3). Часть пятая статьи 87 УПК РСФСР утрачивает силу по истечении шести месяцев с момента провозглашения настоящего Постановления.
2. Федеральному Собранию Российской Федерации в течение шести месяцев с момента провозглашения настоящего Постановления надлежит решить вопрос об изменении уголовно-процессуального закона в части обеспечения гарантий закрепленного в статье 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации права каждого на свободу при применении ареста и содержании под стражей в качестве меры пресечения.
3. В соответствии со статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации до разрешения в

законодательном порядке поставленных в настоящем Постановлении вопросов, связанных с обеспечением гарантий закрепленного в статье 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации права каждого на свободу, лицо, обвиняемое в совершении преступления, вправе обжаловать в суд законность и обоснованность содержания под стражей на любом этапе уголовного судопроизводства, включая ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения и действует непосредственно.

5. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Собрании законодательства Российской Федерации", "Российской газете", иных официальных изданиях органов государственной власти Российской Федерации. Постановление должно быть также опубликовано в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Конституционный Суд
Российской Федерации
N 14-П

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. В. Витрука
по делу о проверке конституционности части пятой статьи 97
Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой
гражданина В. В. Щелухина

Заявителем, гражданином В. В. Щелухиным, в отношении которого возбуждено уголовное дело по обвинению в ряде преступлений и содержащегося под стражей в качестве меры пресечения, оспаривается правило, содержащееся в части пятой статьи 97 УПК РСФСР, согласно которому время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при исчислении срока содержания обвиняемого под стражей в качестве меры пресечения не учитывается. По мнению заявителя, указанная уголовно-процессуальная норма не соответствует статьям 2, 17, 22, 45 и 55 Конституции Российской Федерации.

Оспариваемая норма была введена законодателем в УПК РСФСР не случайно. На практике все больше стали возникать уголовные дела с большим количеством обвиняемых и совершенных ими преступлений (бандитизм, грабежи, изнасилования, экономические преступления и другие формы организованной, профессиональной преступности), наказания за которые связаны с длительными сроками лишения свободы и смертной казнью. Фиксированные сроки содержания под стражей в качестве меры пресечения оказались нереальными. Поэтому законодатель практически удлинил их для производства собственно следственных действий, введя правило части пятой статьи 97 УПК РСФСР. Фиксированные сроки содержания под стражей на предварительном следствии с включением в них и ознакомление с материалами дела создавало реальную возможность злоупотребления правом на ознакомление с материалами уголовного дела, когда обвиняемые умышленно затягивали этот процесс. Ясно, что истечение фиксированного срока содержания под стражей в отношении лица, обвиняемого в ряде серьезных преступлений (убийства, грабежи, насилия и др.), и автоматическое освобождение такого лица из-под стражи ставит под серьезную угрозу интересы и права потерпевших, свидетелей, общества в целом (лицо может скрыться, совершить новое преступление, оказывать негативное воздействие на свидетелей, самих потерпевших). Таким образом, возникло реальное противоречие интересов следствия, обвиняемых и потерпевших. Указанное противоречие интересов было частично снято законодателем введением правила части пятой статьи 97 УПК РСФСР.

Вопрос о достаточности или избыточности содержания под стражей - скорее вопрос

целесообразности применения уголовно-процессуальной нормы, а не ее содержания. С точки зрения гармонии интересов всех участников уголовного процесса законодатель исходил из того, что групповое преступление (бандитизм и др.) осуществляется коллективно на основе принципа "разделения труда", когда каждый участник выполняет свою роль и подчас выпадение хотя бы одного звена нарушает всю систему. Поэтому в интересах объективного, полного и всестороннего расследования такого рода сложных дел, что в полной мере соответствует интересам и правам потерпевших, свидетелей, необходимо содержание под стражей всех членов группового преступления в качестве меры пресечения на предварительном следствии. Поэтому нельзя говорить о "произвольном аресте" всех обвиняемых, кроме тех, кто злоупотребляет процессуальным правом на ознакомление с материалами дела. При таком подходе правило, содержащееся в части пятой статьи 97 УПК РСФСР, не нарушает требований статей 17 и 22 (часть 1) о праве на свободу личности. Более того, установление в УПК РСФСР подобного правила соответствует требованиям части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации, говорящей о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, равно как и требованиям части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина допустимы в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Выпуская на свободу до суда лицо, обвиняемое в серьезных преступлениях, за совершение которых грозит лишение свободы либо даже смертная казнь, мы ставим под серьезную угрозу возможность свершения в будущем самого правосудия и осуществление прав, свобод и законных интересов не только потерпевших, свидетелей, но и других лиц (где гарантия, что такое лицо не совершит нового преступления). Поэтому мнение об избыточности, чрезмерности, неадекватности социально-правовым целям правила, содержащегося в части пятой статьи 97 УПК РСФСР, есть явное преувеличение. Право на судебную защиту прав и свобод, на судебное обжалование решений и действий (или бездействия) любых органов, общественных объединений, должностных лиц (статья 46 Конституции РФ) не знает исключений, поэтому на любой стадии предварительного расследования по уголовному делу возможно обжалование действий (бездействия) соответствующих должностных лиц, в том числе законности и обоснованности ареста и содержания обвиняемого под стражей в качестве меры пресечения. Никто не лишал права обвиняемых на судебное обжалование содержания под стражей в момент объявления расследования законченным. Суд вправе принять особое решение по данной жалобе. Вынесение дополнительного решения со стороны компетентных должностных лиц (следователя, прокурора) для продолжения содержания под стражей обвиняемых, в отношении которых расследование уголовного дела закончено и об этом им объявлено, не требуется в силу прямого действия правила части пятой статьи 97 УПК РСФСР.

Ныне действующие правила УПК РСФСР о фиксированных сроках предварительного расследования в совокупности с правилом, содержащимся в части пятой статьи 97 УПК РСФСР, не в полной мере снимают реальные противоречия интересов участников уголовного процесса на основе действия принципа его состязательности. Практически Конституционный Суд констатировал наличие противоречий интересов различных участников предварительного следствия, ряд несовершенств в их снятии ныне действующими процессуальными средствами. Но дело в том, что только законодатель вправе изменять, совершенствовать отдельные нормы в их системном представлении. На наш взгляд, вопрос об исключении стадии ознакомления с материалами дела из процесса предварительного расследования либо о включении в него не имеет конституционно-правового аспекта, так как данный вопрос предварительного следствия, в том числе и более общий вопрос о фиксированных сроках предварительного расследования по уголовному делу, не нашел разрешения в Конституции Российской Федерации. С точки зрения конституционного регулирования сочетание различных видов интересов участников уголовного процесса модель, избранная законодателем в

ныне действующем УПК РСФСР, наиболее полно отвечает потребностям сегодняшнего дня, учитывает резко изменившуюся криминогенную ситуацию, связанную с появлением и ростом профессиональной, организованной преступности. Эта модель, естественно, может быть улучшена, усовершенствована для достижения социально полезных целей, для объективного, полного, всестороннего расследования уголовных дел, успешной борьбы с преступностью. Но диктуется это принципом целесообразности, но не неконституционностью одного из звеньев действующей модели уголовного процесса. Оспариваемое правило есть частный случай досудебного уголовного процесса, который искусственно поднят на уровень конституционной проблемы. Это находит косвенное подтверждение в самом Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу, когда он, признав часть пятую статьи 97 УПК РСФСР не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 17, 22 (часть 1), 46 (часть 1), 55 (часть 3), продолжает признавать ее действие и в дальнейшем в течение шести месяцев. Это противоречит общим принципам конституционного права, а также части третьей статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", согласно которой "акты или отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу".

Обусловив изменение уголовно-процессуального закона шестимесячным сроком (что явно нереально, если учитывать конституционную процедуру принятия, изменения, дополнения федерального закона в Российской Федерации), нужно четко отдавать отчет в том, что при неисполнении этого пункта Постановления Конституционного Суда, последний через 6 месяцев выступит в роли законодателя, по существу явочным порядком изменит уголовно-процессуальный закон: ознакомление с материалами дела обвиняемого и его защитника автоматически будет включаться в фиксированные сроки предварительного расследования. Нельзя не задуматься о последствиях такого решения в условиях катастрофического некомплекта следственного аппарата, роста групповых дел, имеющей место практики злоупотребления обвиняемыми своими процессуальными правами и т. п.

На основании изложенного, прихожу к выводу, что рассматриваемое дело должно быть прекращено производством, так как вопрос, разрешаемый частью пятой статьи 97 УПК РСФСР, не получил разрешения в Конституции Российской Федерации и, самое главное, по своему характеру и значению не относится к числу конституционных. Он должен решаться законодателем с учетом принципа целесообразности в системном виде, что должно привести к совершенствованию действующей модели уголовного процесса, направленной на обеспечение конституционных прав и свобод личности, гармонии личных и общественных интересов, прав и интересов всех участников уголовного процесса, на достижение целей объективного, полного и всестороннего расследования уголовных дел и осуществления подлинного правосудия, без чего не мыслимо правовое общество и государство, приоритет прав и свобод человека и гражданина.

Судья

Конституционного Суда

Российской Федерации Н. В. Витрук

20 июня 1996 года

г. Москва